

На правах рукописи

РУСИНОВА ВЕРА НИКОЛАЕВНА

**ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ:
СООТНОШЕНИЕ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО
ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА**

Специальность 12.00.10 — «Международное право; Европейское право»

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора юридических наук

Москва – 2016

Диссертация выполнена в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”».

Научный консультант **КАПУСТИН Анатолий Яковлевич**
доктор юридических наук, профессор, первый заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Официальные оппоненты **АЛЕШИН Владимир Васильевич**
доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Правового управления Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации

ВАЛЕЕВ Револь Миргалимович
доктор юридических наук, профессор кафедры международного и европейского права Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

КОТЛЯРОВ Иван Иванович
доктор юридических наук, профессор кафедры прав человека и международного права Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя»

Ведущая организация Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Защита состоится 24 июня 2016 года в 14:00 на заседании Диссертационного совета Д 209.001.03, созданного на базе Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации», по адресу: 119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1, зал заседаний диссертационного совета.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в библиотеке Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации по адресу: 119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1 и на сайте www.dipacademy.ru.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2016 года.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат юридических наук, доцент

А.А. Данельян

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования

В современной науке международного права господствует представление о том, что нормы международного гуманитарного права, понимаемого как совокупность норм, предназначенных для защиты жертв и ограничения средств и методов ведения войны, и нормы международного права прав человека применимы в вооруженных конфликтах и комплементарны, то есть дополняют друг друга¹. Это было подтверждено и Международным судом ООН вначале в принятом в 1996 г. *Консультативном заключении о правомерности применения и угрозы применения ядерного оружия*, а затем и в 2004 г. — в *Консультативном заключении о правовых последствиях возведения стены на оккупированной палестинской территории*. Международный суд признал, что обе отрасли международного права применяются одновременно, и при этом «одни права́ могут быть исключительно предметом регулирования международного гуманитарного права́, другие могут быть исключительно предметом регулирования права прав человека, а некоторые могут подпадать

¹ См., к примеру: *Карташкин В.А.* Права человека: международная защита в условиях глобализации. — М.: Инфра-М, 2011. — С. 54–58; *Туунов О.И.* Международное гуманитарное право: Учебник. 2-е изд. — М.: Норма, 2009. — С. 163–165; *Международное гуманитарное право: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. И.И. Котлярова.* 3-е изд. — М.: Юнити-Дана, 2009. — С. 20; *Туунов О.И.* Современные проблемы международного гуманитарного права. К 100-летию второй Гаагской конференции мира // *Российский ежегодник международного права.* — 2007. — СПб.: Россия-Нева, 2008. — С. 29–30; *Батырь В.А.* Международное гуманитарное право: Учебник для вузов. 2-е изд. — М.: Юстицинформ, 2011. — С. 80; *Gasser H.-P.* International Humanitarian Law and Human Rights Law in Non-International Armed Conflicts: Joint Venture or Mutual Exclusion? // *German Yearbook of International Law.* — 2002. — Vol. 45. — P. 154, 161; *Partsch K.J.* Human Rights and Humanitarian Law // *Encyclopedia of Public International Law.* — 1995. — P. 910; *Heinze H.-J.* On the Relationship between Human Rights Law Protection and International Humanitarian Law // *International Review of the Red Cross.* — 2004. — Vol. 86. — № 856. — P. 789–813; *Droege C.* Effective Affinities? Human Rights and Humanitarian Law // *International Review of the Red Cross.* — 2008. — Vol. 90. — № 871. — P. 501–548.

под обе отрасли международного права»². Однако вопросы о том, как отграничить ситуации, когда применимо исключительно международное гуманитарное право, только международное право прав человека или обе отрасли одновременно, каким образом нормы этих отраслей должны применяться совместно и, наконец, как разрешать возникающие коллизии, до сих пор остаются открытыми. Это приводит к многочисленным проблемам, с которыми сталкиваются в первую очередь непосредственно участники вооруженных конфликтов и гражданские лица, а также национальные правоохранительные органы. Кроме того, жертвы вооруженных конфликтов стали массово обращаться в универсальные и региональные международные органы по правам человека. В силу этих обстоятельств проблематика, связанная с прояснением соотношения норм международного права прав человека и международного гуманитарного права, встала в ряд наиболее актуальных проблем современного международного права.

Большинство современных вооруженных конфликтов носят так называемый асимметричный характер, что проявляется в составе участников конфликта, в степени оснащенности сторон и в используемых методах ведения войны. Следствием такой «асимметрии» являются попытки более слабой стороны злоупотребить защитой, предоставляемой международным правом, в частности путем отказа от использования отличительных знаков или открытого ношения оружия. В то же время, как показывает практика, сложившаяся в том числе в рамках так называемой «войны с терроризмом», и более сильная сторона конфликта в условиях возрастающей неопределенности и невозможности четко установить, кто может быть легитимным объектом нападения, зачастую ужесточает используемые методы. При этом современные вооруженные конфликты обнажили в действующем международном праве значительное число проблем и «серых зон». Это статус так называемых

² International Court of Justice, *Advisory Opinion on Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory*, 9 July 2004. Para. 106 [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.icj-cij.org/docket/index.php?p1=3&p2=4&k=5a&case=131&code=mwp&p3=4>

«незаконных комбатантов»); соотношение норм международного гуманитарного права и международного права прав человека при проверке правомерности использования силы в вооруженных конфликтах; квалификация «целенаправленных убийств»; возможность экстерриториального применения международных договоров по правам человека; соотношение запрета использования «живых щитов» и принципа пропорциональности; правомерность интернирования и правовые гарантии, предоставляемые лицам, лишенным свободы в связи с вооруженным конфликтом; статус сотрудников частных военных и охранных предприятий, задействованных в конфликте; установление границ понятия «непосредственное участие в военных действиях»; соблюдение гуманитарных норм в ходе миротворческих операций и многие другие. Большинство из этих проблем Международный Комитет Красного Креста относит к «вызовам современных вооруженных конфликтов»³.

Цель данного научного исследования состояла в том, чтобы на основе анализа действующих норм международного гуманитарного права и международного права прав человека, направленных на защиту прав человека в вооруженных конфликтах, практики их применения и научной доктрины разработать систему теоретических положений, описывающих особенности совместного применения этих норм, а также их соотношение по территории, кругу лиц и по содержанию.

Для достижения поставленной цели потребовалось решить следующие **задачи**:

- выявить соотношение норм международного гуманитарного права и международного права прав человека в ситуации вооруженного конфликта;

³ International Humanitarian Law and the Challenges of Contemporary Armed Conflicts, Report, Document prepared by the International Committee of the Red Cross, Geneva, October 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icrc.org/en/document/international-humanitarian-law-and-challenges-contemporary-armed-conflicts>

- выяснить пределы осуществления государствами права на отступление от соблюдения международных договоров по правам человека;
- исследовать, насколько действующая система договорных и обычных норм международного права в области защиты прав человека соответствует вызовам современных вооруженных конфликтов;
- установить сферу применения международных договоров, посвященных защите прав человека, *ratione loci*;
- уточнить круг носителей прав человека и адресатов обязанностей по их соблюдению в ситуации вооруженного конфликта;
- установить пределы компетенции международных судебных и квазисудебных органов по рассмотрению дел, связанных с соблюдением прав человека в вооруженных конфликтах;
- дать толкование понятию «непосредственное участие в военных действиях»;
- проанализировать правовое положение так называемых «незаконных комбатантов»;
- выяснить, какую роль сыграла практика международных судебных и квазисудебных органов по правам человека в процессе взаимодействия норм международного гуманитарного права и международного права прав человека;
- проанализировать, действительно ли существует коллизия между нормами международного гуманитарного права и международного права прав человека в области защиты права на жизнь и обеспечения свободы личности;
- установить, на основании каких критериев должна осуществляться проверка правомерности лишения жизни в ходе вооруженного конфликта;
- уточнить круг лежащих на государствах позитивных обязательств, вытекающих из соблюдения права на жизнь в вооруженных конфликтах;

- исследовать проблемы защиты свободы и неприкосновенности личности в вооруженных конфликтах;
- установить круг процессуальных гарантий, которые должны предоставляться интернированным лицам в вооруженных конфликтах международного и немеждународного характера;
- выработать рекомендации по совершенствованию применения международно-правовых норм, призванных защитить индивидов во время вооруженного конфликта.

Объектом данного научного исследования являлись урегулированные нормами международного права общественные отношения, складывающиеся между носителями прав человека и адресатами соответствующих обязанностей в ситуации международных и немеждународных вооруженных конфликтов.

Предмет исследования составляли международные договоры и обычаи, регулирующие защиту прав человека в вооруженных конфликтах, решения международных организаций, посвященные защите гражданского населения и ограничению средств и методов ведения войны, практика Международного суда ООН, международных судебных и квазисудебных органов по правам человека, международных уголовных судов и трибуналов по вопросам соотношения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека и защиты отдельных прав, российские и зарубежные научные исследования в области международного гуманитарного права, международного права прав человека, международного уголовного права, права международной ответственности, а также по таким вопросам, как фрагментация и разрешение коллизий в международном праве.

Степень научной разработанности предмета исследования

Как показывает анализ научной литературы, вопросы международно-правовой защиты личности в ситуации вооруженного конфликта вызывают

повышенный интерес российских ученых уже достаточно длительный период времени. За последние два десятилетия по этой тематике было защищено 20 диссертаций, из них четыре исследования: диссертации С.А. Егорова «Вооруженные конфликты и международное право» (1999 г.), В.В. Алёшина «Правовое регулирование вооруженных конфликтов и его роль в обеспечении безопасности Российской Федерации» (2007 г.), И.И. Котлярова «Международно-правовое регулирование вооруженных конфликтов: основные теоретические проблемы и практика» (2008 г.) и С.А. Раджабова «Имплементация норм международного гуманитарного права в Республике Таджикистан: проблемы теории и практики» (2008 г.) – были представлены на соискание ученой степени доктора юридических наук.

Авторы большинства проведенных научных исследований сосредотачивались на анализе норм международного гуманитарного права, не уделяя должного внимания нормам другой отрасли — международному праву прав человека, которое также регулирует отношения, возникающие во время вооруженных конфликтов. Нередко исследования, посвященные защите прав человека в вооруженных конфликтах, сводились к анализу норм международного гуманитарного права⁴. Такой подход был связан как с применением господствовавшего долгое время представления о нормах гуманитарного права как *lex specialis*⁵, так и с ограничительным толкованием

⁴ Белугина А.В. Международная защита прав человека в условиях вооруженных конфликтов. – Курск: Союз, 2010. – С. 11–35.

⁵ Kolb R. The Relationship between International Humanitarian Law and Human Rights Law: A Brief History of the 1948 Universal Declaration of Human Rights and the 1949 Geneva Conventions // International Review of the Red Cross. – 1998. – № 324. – P. 409–420; Suter K.D. An Inquiry into the Meaning of the Phrase «Human Rights in Armed Conflict» // Revue de droit penal militaire et de droit de la guerre. – 1976. – Vol. 15. – № 3–4. – P. 398, 406–410; Draper G. I. A. D. The Relationship between the Human Rights Regime and the Law of Armed Conflict // Israel Yearbook on Human Rights. – 1971. – № 1. – P. 191–192; Meyrowitz H. Le droit de la guerre et les droits de l'homme // Revue du droit public et de la science politique en France et à l'étranger. – 1972. – № 88. – P. 1059–1104; Inter-American Commission on Human Rights, *Coard and Others v. the USA*, Case № 10.951, IACHR Report № 109/99, 29 September 1999. Para. 35 [Электронный ресурс]. URL: // <https://www.cidh.oas.org/annualrep/99eng/Merits/UnitedStates10.951.htm>; Response of the US to the Request for Precautionary Measures on behalf of the Detainees in Guantanamo Bay, Cuba, 15 April 2002 // International Legal Materials. – 2002. – № 41. – P. 1015; Committee against Torture, *Conclusions and Recommendations of the United States*

сферы применения международных договоров по правам человека, в первую очередь *ratione loci*. В последние годы направление отечественного научного дискурса сместилось в сторону признания процессов «интеграции» и «конвергенции» между двумя этими отраслями⁶. В современных учебниках по международному праву, правам человека и международному праву прав человека появились параграфы, посвященные взаимодействию норм международного гуманитарного права и международного права прав человека⁷.

Вместе с тем до настоящего момента не было опубликовано ни одной научной работы на русском языке о применении и взаимодействии отдельных норм международного права, которые регулируют права человека в вооруженных конфликтах. Констатация происходящих процессов сближения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека не может привести к конкретным результатам, которые могли бы иметь прикладной характер. Это предопределило необходимость проведения научного исследования, нацеленного на детальную проработку как соотношения действующих международно-правовых норм, так и на выявление направлений дальнейшего развития правового регулирования в этой сфере.

Что касается зарубежной научной литературы, то после начала так называемой «войны с терроризмом» число исследований, посвященных защите прав человека в вооруженных конфликтах, стало стремительно увеличиваться. Наряду с трудами, в которых прослеживается цель оправдать подходы или

of America, CAT/C/USA/CO/2, 25 July 2006. Para. 14 [Электронный ресурс]. URL: [http://www.unhchr.ch/tbs/doc.nsf/\(Symbol\)/CAT.C.USA.CO.2.En?Opendocument](http://www.unhchr.ch/tbs/doc.nsf/(Symbol)/CAT.C.USA.CO.2.En?Opendocument); UN Commission on Human Rights, Civil and Political Rights, Including the Question of Torture and Detention, Report of the Working Group on Arbitrary Detention, E/CN.4/2005/6, 1 December 2004. Para. 6 [Электронный ресурс]. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G04/167/19/PDF/G0416719.pdf?OpenElement>.

⁶ Батырь В.А. Международное гуманитарное право. Учебник для вузов. 2-е изд. – М.: Юстицинформ, 2011. – С. 90; Карташкин В.А. Права человека: международная защита в условиях глобализации. – М.: Инфра-М, 2011. – С. 50–51; Туунов О.И. Международное гуманитарное право: учебник. 2-е изд. – М.: Норма, 2009. С. 151.

⁷ Международная и внутригосударственная защита прав человека: Учебник / Под ред. Р.М. Валеева. М.: Статут, 2011; Права человека и процессы глобализации современного мира / Отв. ред. Е.А. Лукашева. М.: Норма, 2007; Международное право: Учебник / Отв. ред. С.А. Егоров. – 5-е изд. – М.: Статут, 2014.

действия тех или иных государств (к таковым можно отнести некоторые работы М. Шмитта, Й. Динштайна и М. Паркса), представлены и политически нейтральные исследования, посвященные отдельным проблемам защиты прав человека в вооруженных конфликтах. Это монография Н. Мельцера «Целенаправленное убийство в международном праве» (Оксфорд, 2009), сборник статей под ред. О. бен Нафтали «Международное гуманитарное право и международное право прав человека: *Pas de Deux*» (Оксфорд, 2011), монография Г. Оберлейтнера «Права человека в вооруженном конфликте: право, практика, политика» (Кембридж, 2015). Большое значение имели подготовленные под эгидой Международного Комитета Красного Креста многотомник «Обычное международное гуманитарное право» (2006 г.)⁸, «Руководство по толкованию понятия “непосредственное участие в военных действиях”» (2009 г.)⁹, а также ряд материалов и докладов, посвященных защите лиц, лишенных свободы¹⁰. Вместе с тем исследование, которое содержало бы в себе не только детальный анализ отдельных проблем, но и выводы, позволяющие представить общую картину, складывающуюся в области регулирования прав человека в вооруженных конфликтах, до сих пор отсутствовало.

Кроме того, необходимо учитывать, что практика международных судебных и квазисудебных органов по правам человека, выступившая катализатором процесса переоценки роли норм международного права прав

⁸ Хенкертс Ж.-М., Досвальд-Бек Л. Обычное международное гуманитарное право. Т. 1. Нормы. – Женева: МККК, 2006.

⁹ Interpretive Guidance on the Notion of “Direct Participation in Hostilities” under International Humanitarian Law. – Geneva: ICRC, 2009.

¹⁰ Strengthening International Humanitarian Law Protecting Persons Deprived of Liberty, Concluding Report, Document prepared by The International Committee of the Red Cross, Geneva, June 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://rcrcconference.org/wp-content/uploads/sites/3/2015/04/32IC-Concluding-report-on-persons-deprived-of-their-liberty-20150716.pdf>; Internment in Armed Conflict: Basic Rules and Challenges, Opinion Paper, prepared by the International Committee of the Red Cross, November 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icrc.org/en/document/internment-armed-conflict-basic-rules-and-challenges>; Pejic J. Procedural Principles and Safeguards for Internment/Administrative Detention in Armed Conflict and Other Situations of Violence // International Review of the Red Cross. – 2005. – Vol. 87. – № 858. – P. 375-391.

человека в вооруженных конфликтах, стала складываться только начиная с 2004 г. и продолжает формироваться.

Методология научного исследования

Результаты проведенного научного исследования были получены в результате комплексного применения общих и специальных методов научного познания. Применялись такие общие теоретические методы, как метод анализа и синтеза, абстрагирования, конкретизации, обобщения, формализации, индукции и дедукции, идеализации, аналогии и моделирования. Кроме того, применялись метод диалектико-материалистической философии и системный подход. Особенностью исследования являлось сочетание индуктивного и дедуктивного методов, когда метод индукции использовался при выявлении соотношения международного гуманитарного права и международного права прав человека на уровне отдельных норм, а метод дедукции позволял встраивать нормы обеих отраслей в теоретико-правовую конструкцию субъективных публичных прав.

Основным эмпирическим методом, использованным в диссертации, является метод изучения и обобщения опыта, который применялся в отношении решений международных организаций, международных органов по защите прав человека, а также национальных судов.

Среди специальных методов, которые были применены в диссертационном исследовании, следует отметить методы формально-юридического, сравнительно-правового, историко-правового анализа, а также правового моделирования и прогнозирования.

Теоретическая база исследования

Теоретическую основу исследования составили положения общей теории международного права, представленные в научных монографиях и учебных изданиях, подготовленных Л.П. Ануфриевой, К.А. Бекашевым, П.Н. Бирюковым, Г.М. Вельяминовым, Р. Вольфрумом, А.Н. Вылегжаниным,

У. Дженксом, С.А. Егоровым, Б.Л. Зимненко, К. Ипсеном, У. Карлом, А. Кассезе, Г. Кельзенем, М. Коскенниemi, В.И. Кузнецовым, Х. Лаутерпахтом, Д.В. Левиным, И.И. Лукашуком, В.С. Котляром, Ю.Н. Малеевым, Т. Мероном, М. Пеще, Д. Повелин, Г.С. Стародубцевым, В.Л. Толстых, Е.Т. Усенко, Н.А. Ушаковым, А. Федроссом, Д.И. Фельдманом, С.В. Черниченко, М. Шоу, В.М. Шумиловым, М. Эвансом.

Сделанные в диссертации выводы также базируются на научных трудах отечественных и зарубежных специалистов в области международного гуманитарного и уголовного права, среди которых: Г. Аби-Сааб, В.В. Алёшин, И.Н. Арцибасов, В.А. Батырь, О. Бен-Нафтали, И.П. Блищенко, М. Боте, А. Бувье, Х.-П. Гассер, Т. Глинн, Л. Грин, К. Гринвуд, Э. Давид, К. Дёрман, Й. Динштейн, Л. Досвальд-Бек, С.А. Егоров, В.С. Иваненко, В.Ю. Калугин, Ф. Калсховен, А.Я. Капустин, Б. Кесслер, О. Кимминих, М. Кларк, Р. Кольб, И.И. Котляров, А.В. Кудашкин, Е.Г. Ляхов, Ф.Ф. Мартенс, Л. Муар, Х. Паркс, К.Й. Парш, Ж. Пикте, А.И. Полтораки, С.А. Раджабов, А. Рогерс, Ю.С. Ромашев, Ю.М. Рыбаков, Л.И. Савинский, И. Сандос, М. Сассоли, К. Свинарски, Н.А. Соколова, Г. Солис, У. Сольф, О.И. Тиунов, Б.Р. Тузмухамедов, У. Фенрик, Д. Флек, В.Х. фон Хайнег, С. Хайнс, Ж.-М. Хенкертс, М. Шмит, А. Эйде, Б. Циммерман.

Исследование опирается на посвященные международному праву прав человека результаты научной работы таких ученых, как А.Х. Абашидзе, Е.С. Алисиевич, А. Баевски, С.В. Бахин, Т. Бургенталь, Р.М. Валеев, Г. Вердирам, Р. Вольфрум, В.В. Гаврилов, Л. Зегвельд, Р.А. Каламкарян, В.А. Карташкин, Р. Кассан, А. Клэпхем, А.А. Ковалёв, А.И. Ковлер, Ю.М. Колосов, И.И. Котляр, И.А. Ледях, Е.А. Лукашева, М. Миланович, М. Новак, Ф. Нэрт, У. Пойкерт, А.Х. Саидов, А.-Л. Свенссон-МакКартни, К. Томушат, К. Филипп, Й. Фровайн, А. Циммерман, К. Черна, С.В. Черниченко и М.Л. Энтин.

Теоретическую базу проведенного исследования также составили посвященные различным аспектам соотношения международного

гуманитарного права и международного права прав человека публикации У. Абреша, Ф. Алстона, Г. Гагиолли, А. Гиойи, Р. Гудмана, Л. Досвальд-Бек, Д. Драпера, К. Йоханна, Д. Клеффнера, Р. Кольба, Д. Кретцмера, Д. Кроуфорда, Н. Мельцера, М. Милановича, Д. Морган-Фостера, Л. Олсон, К.Й. Парща, А. Паулюса, Е. Пейич, К. Уоткина, Х.-Й. Хайнце, Р. Шондорфа, Б. Шэфера и других.

Научную новизну диссертационного исследования предопределяет то, что среди многочисленных публикаций российских международников, в которых проводилось сравнение международного гуманитарного права и международного права прав человека, а также предлагалось объединить эти отрасли под общим названием, до сих пор отсутствовала научная работа, непосредственным предметом исследования которой являлась бы проблематика соотношения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека. Данная диссертация является первым научным трудом, в котором исследованы именно отдельные нормы обеих отраслей и сделаны выводы о параметрах их совместного применения в вооруженных конфликтах.

Основные выводы, сформулированные в работе, представляют собой систему теоретических положений, описывающих особенности совместного применения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека, а также их соотношение по территории, кругу лиц и по содержанию. Для обозначения совокупности этих положений в научный оборот вводится понятие «интеграционной теории» соотношения норм этих отраслей, в соответствии с которой нормы международного гуманитарного права и международного права прав человека не просто пересекаются и могут применяться совместно, а объединяются и формируют единый массив норм, посвященных защите прав человека в вооруженных конфликтах.

Новизна исследования состоит и в том, что оно основано на анализе современных вооруженных конфликтов, в том числе тех, которые имели место в рамках так называемой «войны с терроризмом». Кроме того, в диссертации

учтены решения международных организаций, международных универсальных и региональных судов и квазисудебных органов (Международного суда ООН, Совета по правам человека ООН, Комитета по правам человека ООН, Комитета по экономическим, социальным и культурным правам ООН, Европейского суда по правам человека, Межамериканской комиссии и суда по правам человека, Африканской комиссии по правам человека и народов, международных *ad hoc* трибуналов по бывшей Югославии и Руанде, Международного уголовного суда и смешанных (интернационализованных) уголовных трибуналов) и национальных судов.

В диссертационном исследовании предложены взвешенные и юридически обоснованные подходы к решению наиболее проблемных вопросов защиты прав человека в современных вооруженных конфликтах. Впервые в отечественной науке международного права были исследованы вопросы, связанные с экстерриториальным применением международных договоров по правам человека в вооруженных конфликтах, распространением международных обязательств по соблюдению прав человека на международные организации и неправительственную сторону вооруженного конфликта, проанализированы различные подходы к толкованию понятия «непосредственное участие в военных действиях», рассмотрена проблема, связанная с определением статуса «незаконных комбатантов», предложена классификация лиц в немеждународных вооруженных конфликтах, раскрыто современное содержание принципа военной необходимости, сделаны выводы о соотношении запрета «произвольного лишения жизни» и положений международного гуманитарного права о правомерности использования силы, а также дана оценка правомерности интернирования и уточнен объем международно-правовых прав и гарантий, которые должны предоставляться лицам, задержанным в ходе вооруженных конфликтов.

Таким образом, научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

- в научный оборот отечественной науки международного права введено понятие «интеграционной теории», которая описывает совокупность изложенных в диссертационном исследовании теоретических положений, раскрывающих особенности совместного применения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека, а также их соотношение по территории, кругу лиц и по содержанию;
- уточнены пределы осуществления государствами права на отступление от соблюдения международных договоров по правам человека;
- установлена сфера применения *ratione loci* международных договоров, посвященных защите прав человека, в ситуации вооруженного конфликта;
- очерчен круг носителей прав человека и адресатов обязанностей по соблюдению прав человека в ситуации вооруженного конфликта;
- исследована компетенция международных судебных и квазисудебных органов по рассмотрению дел, связанных с соблюдением прав человека в вооруженных конфликтах;
- предложен сбалансированный подход к толкованию понятия «гражданские лица» в немеждународных конфликтах;
- дано толкование понятия «непосредственное участие в военных действиях»;
- сделан вывод о формировании интегрированного теста проверки правомерности лишения жизни в вооруженных конфликтах немеждународного характера, сущность которого заключается в том, что критерии абсолютной необходимости и пропорциональности так же, как и в мирное время, рассматриваются в качестве применимых к случаям лишения жизни в вооруженных конфликтах, и их содержание уже не

сводится путем толкования исключительно к тем нормам, которые закреплены в источниках международного гуманитарного права;

- раскрыто содержание требования «законности» лишения свободы в вооруженных конфликтах;
- выявлено наличие пробела в правовом регулировании интернирования в источниках международного гуманитарного права, применимых в вооруженных конфликтах немеждународного характера;
- сформулирован вывод о том, что имеет место увеличение объема процессуальных прав, которые в соответствии с международным правом должны предоставляться лицам, задержанным в ходе международных и немеждународных вооруженных конфликтов;
- установлен круг процессуальных гарантий, которые должны предоставляться интернированным лицам в вооруженных конфликтах международного и немеждународного характера;
- выработаны рекомендации по совершенствованию применения международно-правовых норм, призванных защитить индивидов во время вооруженного конфликта.

Проведенное исследование позволяет вынести на защиту следующие положения, обладающие научной новизной:

1. Ограничение сферы действия универсальных и региональных международных договоров по правам человека случаями, когда государство-участник осуществляет свою юрисдикцию, не исключает возможности применения этих источников к вооруженным конфликтам, происходящим за пределами территории государства, вовлеченного в конфликт. Этот вывод основывается на том, что наличие у государства юрисдикции может быть установлено при осуществлении им эффективного контроля не только над частью территории другого государства, но и над отдельными лицами, даже в условиях отсутствия контроля над территорией, где применяется сила. При этом в качестве эффективного контроля над лицами могут квалифицироваться

ситуации применения силы в отношении конкретных индивидов, вне зависимости от того, находятся ли они «в руках» стороны конфликта. Кроме того, государства остаются связанными обязательствами, вытекающими из международных договоров по правам человека, и при использовании силы за пределами территории всех государств–участников соответствующего международного договора.

2. Круг адресатов обязанностей по соблюдению международного права прав человека в вооруженных конфликтах не ограничивается только государствами и государственно-подобными образованиями. Во-первых, международные организации как субъекты международного права также являются адресатами обязанностей по соблюдению прав человека, что порождает проблему определения критериев для разграничения ответственности между международной организацией и ее членами. Исходя из того, что в большинстве случаев государства не отказываются от контроля за военнослужащими, делегированными для участия в проводимой международной организацией операции, а также учитывая отсутствие эффективных механизмов, которые позволяли бы жертвам нарушений получить возмещение от международных организаций, следует признать обоснованным подход, позволяющий учитывать фактическую ситуацию и, в случае установления эффективного контроля за совершённым деянием со стороны государств, предоставивших контингент, привлекать к международной ответственности именно эти субъекты международного права.

Во-вторых, происходит трансформация сферы применения международного права прав человека *ratione personae* за счет формирования международного обычая, в силу которого обязательства по соблюдению основных прав человека возлагаются и на неправительственную сторону вооруженного конфликта. Доказательством возникновения такого обычая является развитие международного уголовного права в части расширения составов преступлений по общему международному праву и появления возможности привлечь индивидов к уголовной ответственности за нарушение

как международного гуманитарного права, так и международного права прав человека, вне зависимости от того, какую сторону вооруженного конфликта они представляли. Кроме того, изменилась и практика органов ООН, которые наряду с международным гуманитарным правом стали указывать неправительственным организованным вооруженным группам на необходимость соблюдения международного права прав человека.

3. Представленные в науке международного права и практике международных отношений подходы к определению соотношения международного гуманитарного права и международного права прав человека укладываются в три основные теории: конкурентную, комплементарную и интеграционную.

Конкурентный подход, в соответствии с которым международное гуманитарное право как *lex specialis* исключает применимость международного права прав человека, идет вразрез с текстами международных договоров, а также с практикой международных организаций, международных судебных и квазисудебных органов: нормы обеих отраслей пересекаются и взаимодополняют друг друга и, соответственно, должны применяться совместно или комплементарно. При этом комплементарность норм международного гуманитарного права и международного права прав человека не исключает возможности их интеграции, которая представляет собой как процесс, так и результат объединения норм этих отраслей в единую структуру. Возможность интеграции норм международного гуманитарного права и международного права прав человека следует из применимости к ним конструкции субъективных публичных прав и корреспондирующих им обязанностей. В области, урегулированной нормами обеих отраслей, нормы международного гуманитарного права вписываются в единую структуру прав человека в качестве одного из элементов, формирующих, наряду с нормами международного права прав человека и международного уголовного права, «пределы ограничения» этих прав. Помимо возможности встраивания принятых в разное время и зафиксированных в различных источниках норм

международного гуманитарного права и международного права прав человека в единую структуру субъективных публичных прав, интеграция норм международного гуманитарного права и международного права прав человека происходит и в процессе формирования международно-правовых обычаев.

4. Запрет отступления от международно-правовых обязательств по соблюдению отдельно взятого основного права человека не равнозначен автоматическому запрету ограничения этого права, поэтому для целей установления объема прав человека, действующих в вооруженных конфликтах, принципиальное значение приобретает установление пределов ограничения прав человека, а не списка прав и свобод, от которых запрещено отступать. В ходе развития норм международного права, действующих в вооруженных конфликтах, количество и содержание прав, которые не могут быть ограничены, постепенно меняются в сторону усиления защиты индивидов. Этому способствуют как увеличивающийся массив практики международных судебных и квазисудебных органов по правам человека, а также международных и смешанных уголовных судов, так и изменение подходов государств к регулированию возможности ограничивать права человека на национальном уровне.

5. Две основные коллизии, возникающие между нормами международного гуманитарного права и международного права прав человека — противоречие между запретом произвольного (или умышленного) лишения жизни и правом комбатантов принимать участие в военных действиях, а также между запретом произвольного лишения свободы по ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и правом интернировать военнопленных и гражданских лиц по международному гуманитарному праву, — относятся к нормативным коллизиям в широком смысле. Это односторонние коллизии, представляющие собой противоречия между обязывающей и разрешающей нормами, которые тем не менее могут быть применены вместе. Нормативные коллизии в узком смысле, как противоречия между обязывающими и запрещающими правилами, — то есть двусторонние коллизии — в нормах

международного гуманитарного права и международного права прав человека отсутствуют. Вместе с тем представляется нецелесообразным уходить от необходимости решать проблему одновременного применения не полностью совместимых друг с другом норм данных отраслей международного права путем отрицания наличия между ними двусторонних коллизий.

6. Содержание предоставляемой нормами международного гуманитарного права защиты права на жизнь зависит от разделения лиц на тех, кто обладает защитой от непосредственного нападения, и тех, кто этой защиты лишен. В отличие от источников международного гуманитарного права, применимых в международных конфликтах, отсутствуют как договорные, так и обычно-правовые нормы, эксплицитно устанавливающие классификацию лиц в немеждународных вооруженных конфликтах. Разумный компромисс между защитой гражданского населения и военной необходимостью могло бы обеспечить применение «сбалансированного подхода», в рамках которого в качестве «гражданских лиц» в немеждународных конфликтах рассматриваются все лица, которые не принадлежат к вооруженным силам правительственной стороны конфликта или к неправительственным организованным вооруженным группам, находящимся под командованием лица, ответственного за своих подчиненных перед стороной конфликта, и подчиняющимся внутренней дисциплине. При этом члены «организованных вооруженных групп», удовлетворяющие критериям, предъявляемым к подобным группам в международных конфликтах, должны рассматриваться как утратившие защиту от нападения на время членства в такой группе. Соответственно, с позиции «непосредственного участия в военных действиях» должны оцениваться только отдельные действия не подпадающих под эту категорию лиц, т. е. к ним не должна применяться концепция «длящегося участия».

7. Ключевую роль при определении границ защиты права на жизнь в вооруженных конфликтах играет понятие «непосредственное участие в военных действиях». Несмотря на опубликование Международным Комитетом Красного Креста руководства по толкованию этого понятия, его содержание

требует дальнейшего прояснения. В частности, для того чтобы действие было квалифицировано как «непосредственное участие в военных действиях», к ущербу, причиняемому как военным, так и гражданским объектам, необходимо предъявлять требование о достижении хотя бы минимального размера. Под понятие «военные действия» должны подпадать нападения не только на военные цели, но и на лиц, находящихся «во власти» стороны конфликта. Кроме того, для целей квалификации гражданского лица в качестве принимающего непосредственное участие в военных действиях не оправдано предъявление требования об обязательном наличии связи между ним и стороной вооруженного конфликта.

8. Буквальное и систематическое толкование международных договоров по правам человека и международному гуманитарному праву, а также практика Европейского суда по правам человека и Комитета по правам человека ООН позволяют сделать вывод о формировании интегрированного теста проверки правомерности лишения жизни в вооруженных конфликтах немеждународного характера. Сущность этого подхода заключается в том, что критерии абсолютной необходимости и пропорциональности так же, как и в мирное время, рассматриваются в качестве применимых к случаям лишения жизни в вооруженных конфликтах, и их содержание уже не сводится путем толкования исключительно к тем нормам, которые закреплены в источниках международного гуманитарного права.

9. Системное толкование действующих международных договоров позволяет сделать вывод, что лишение свободы в вооруженном конфликте будет соответствовать принципу законности, являющемуся одним из элементов запрета «произвольного» лишения свободы, если оно не противоречит нормам международного гуманитарного права и международного права прав человека.

В то время как действующие в вооруженных конфликтах международного характера нормы Третьей и Четвертой Женевских конвенций могут рассматриваться в качестве «закона», ни общая статья 3 Женевских конвенций 1949 г., ни Второй Дополнительный протокол, применимые в

вооруженных конфликтах немеждународного характера, не уполномочивают стороны конфликта на интернирование, не содержат оснований для такого задержания и не закрепляют соответствующую процедуру. Таким образом, в немеждународных конфликтах ссылка исключительно на международное гуманитарное право в качестве правового основания для применения интернирования применяться не может. Вместе с тем данный вывод не исключает возможности установления оснований для интернирования и процедуры его применения в немеждународных вооруженных конфликтах в национальном праве государств или в источниках международного права при условии, что они отвечают требованиям правовой определенности и предоставляют задержанным лицам права и гарантии, закрепленные в источниках международного права прав человека и международного гуманитарного права.

10. Благодаря прежде всего судебной практике происходит постепенная конкретизация того, как именно соотносятся нормы международного гуманитарного права и международного права прав человека в сфере действия права на свободу. Несмотря на то, что Европейский суд по правам человека признал, что, даже не воспользовавшись правом отступления по статье 15, государства–участники могут применять интернирование на основе норм международного гуманитарного права, не нарушая при этом пункт 1 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, этот вывод не должен распространяться на немеждународные вооруженные конфликты, где, учитывая пробельность норм международного гуманитарного права, вполне оправдано действие норм международного права прав человека в полном объеме.

11. Увеличение числа прав и свобод, от которых не допускается отступление, а также формирование международных обычаев, посвященных борьбе с насильственными исчезновениями, привели к расширению объема прав и гарантий, которые в соответствии с международным правом должны предоставляться лицам, задержанным в ходе международных и немеждународных вооруженных конфликтов. К процессуальным правам и

гарантиям, действующим в отношении интернированных лиц, относятся гарантия *habeas corpus*, право на проверку законности задержания независимым и беспристрастным органом, право быть проинформированным о причинах интернирования, право на получение юридической помощи, а также право быть зарегистрированным и содержаться в официально признанных местах содержания.

12. Для описания совокупности изложенных в диссертационном исследовании теоретических положений, раскрывающих особенности совместного применения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека, а также их соотношения по территории, кругу лиц и по содержанию, вводится понятие «интеграционная теория». В соответствии с этой теорией нормы международного гуманитарного права и международного права прав человека не просто пересекаются и могут применяться совместно, а встраиваются в структуру субъективных публичных прав, формируя единый массив норм, посвященных защите прав человека в вооруженных конфликтах. В результате интеграции норм обеих отраслей имеет место усиление защиты прав человека в вооруженных конфликтах, что знаменует принципиально новый виток развития современного международного права в гуманитарной сфере.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования

Основным результатом данного научного исследования являются решение важной научной проблемы и расширение теоретических представлений о содержании международно-правовых норм, направленных на защиту прав человека во время вооруженных конфликтов. Эти выводы должны способствовать более эффективному решению возникающих в условиях современных конфликтов вопросов, связанных с определением статуса лиц, с использованием приемлемых методов обращения с задержанными, а также с привлечением индивидов, совершивших противоправные деяния, к

ответственности. Полученные в ходе проведения исследования результаты могут быть учтены при разработке рекомендаций для вооруженных сил о применении норм международного права в вооруженных конфликтах. Положения данной работы также могут быть использованы при составлении обращений или отзывов на обращения в международные судебные и квазисудебные органы. Кроме того, сделанные выводы могут быть применены при проведении дальнейших научных исследований и использоваться в образовательных целях при разработке и проведении курсов лекций по международному праву, международному гуманитарному праву, международному праву прав человека, международному уголовному праву и другим дисциплинам в процессе осуществления профессиональной подготовки юристов, военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов, журналистов и специалистов в области международных отношений.

Степень достоверности и апробация результатов исследования

Достоверность результатов диссертационного исследования базируется на значительном количестве проанализированных источников, среди которых 49 международных договоров, 57 решений международных организаций, а также более 200 решений международных судебных и квазисудебных органов. Сделанные в диссертации выводы сопоставлены со всеми основными доктринальными разработками как российской, так и зарубежной науки международного права. Избранные методы исследования соответствуют поставленным в работе целям и задачам.

Основные положения диссертационного исследования прошли апробацию в ходе обсуждения подготовленных диссертантом докладов и сообщений на международных и российских научных конференциях, семинарах и круглых столах. Среди них — совместная конференция Французского и Немецкого обществ международного права на тему «Право на жизнь в международном праве» (г. Берлин, 2008 г.); ежегодные конференции Российской ассоциации международного права (г. Москва, 2009, 2010,

2012 г.); «Мартенсовские чтения» (г. Санкт-Петербург, 2009, 2011 гг.) и международная конференция «Информационная безопасность, кибервойна и международное право» (г. Москва, 2014 г.), организованные Региональной делегацией Международного Комитета Красного Креста; конференция Гёттингенского общества поддержки международного права (г. Гёттинген, 2012 г.); межсессионный семинар Комитета по правам человека Международной ассоциации международного права (г. Белладжио, 2012 г.); круглые столы, проводившиеся Дипломатической академией МИД РФ, по темам «Ответственность за защиту», «Имплементация норм международного гуманитарного права в российское законодательство», а также «Информационная безопасность, кибервойны и международное право» и «Актуальные проблемы прав человека» (2012–2013, 2015 гг.); международные конференции НИУ «Высшая школа экономики» на тему «Противодействие терроризму и международное право» (2012, 2014 гг.); «Кутафинские чтения», организованные Московским государственным юридическим университетом (МГЮА) имени О. Е. Кутафина (2010–2012, 2014, 2015 гг.); «Блищенковские чтения» Российского университета дружбы народов (2008, 2009, 2015 гг.); а также ежегодные научные конференции юридического факультета Балтийского федерального университета им. И. Канта (2008–2011 гг.).

В 2014 г. в рамках Третьей Летней школы им. Ф.Ф. Мартенса автором был прочитан курс лекций «Соотношение международного гуманитарного права и международного права прав человека» (г. Пярну, Эстония).

Подготовленная в результате проведенного исследования монография «Права человека в вооруженных конфликтах: проблемы соотношения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека» 15 апреля 2015 г. была представлена на заседании круглого стола «Вооруженный конфликт: проблемы соотношения *jus ad bellum*, *jus in bello* и международного права прав человека», проведенного Научно-образовательном центром международного и сравнительного уголовного права им.

Н.Ф. Кузнецовой юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Благодаря гранту Фонда им. А. Гумбольдта и прохождению стажировки в Институте Макса Планка по международному и зарубежному публичному праву (г. Гейдельберг, ФРГ) результаты проводимого автором исследования были представлены и прошли обсуждение на научном заседании этого института 21 марта 2011 г.

Теоретические подходы и основные выводы, сделанные в диссертационном исследовании, изложены автором в монографиях «Нарушения международного гуманитарного права: индивидуальная уголовная ответственность и судебное преследование» (М.: Юрлитинформ, 2006) и «Права человека в вооруженных конфликтах: проблемы соотношения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека» (М.: Статут, 2015), а также в научных статьях «Human Shields» («Живые щиты») и «Perfidy» («Вероломство»), вошедших в «Энциклопедию Макса Планка по международному публичному праву» (2-е изд., Оксфорд, 2012), в параграфе «Право вооруженных конфликтов и международное право прав человека» 5-го издания учебника «Международное право» (М.: Статут, 2014), вышедшего под редакцией С.А. Егорова, а также в научных статьях, посвященных различным аспектам исследуемой темы. Сделанные в диссертации выводы были использованы при составлении отзыва на проект Международной конвенции о регулировании, надзоре и мониторинге частных военных и охранных предприятий от 13 июля 2009 г., который был направлен Рабочей группе по вопросу об использовании наемников как средстве нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение.

Положения диссертационного исследования применялись при разработке курсов и проведении занятий в НИУ «Высшая школа экономики», Дипломатической академии МИД Российской Федерации и Балтийском федеральном университете им. И. Канта по таким дисциплинам, как

«Международное право прав человека», «Региональные механизмы защиты прав человека», «Международное гуманитарное право», «Международное гуманитарное право и средства массовой информации», «Права человека в современном международном праве», «Защита прав человека в Европейском суде по правам человека», «Международное право» и «Современные проблемы международного права».

Структура работы

Диссертация состоит из введения, двух разделов, шести глав, включающих 16 параграфов, а также заключения и библиографии.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Первый раздел диссертации — «Порядок совместного применения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека в вооруженных конфликтах» — состоит из трех глав.

В первой главе международное гуманитарное право и международное право прав человека анализируются как понятия и отрасли международного права.

В первом параграфе анализируются подходы к соотношению этих понятий. Несмотря на то, что как в науке, так и на практике наметилась тенденция по признанию международного гуманитарного права и международного права прав человека двумя отраслями международного права, спор о содержании этих понятий и их соотношении продолжается. Ряд ученых настаивают, что эти понятия соотносятся как общее и частное: либо международное гуманитарное право включает в себя нормы, посвященные защите прав человека, либо нормы международного гуманитарного права входят в состав международного права прав человека. Эта дилемма полифоничность научных представлений ставит на повестку дня вопрос о том,

что́ лежит в основе отнесения норм международного права к этим двум отраслям.

Этот вопрос раскрывается во **втором параграфе**, где отмечается, что ни международное гуманитарное право, ни международное право прав человека не являются ни автономными, ни самостоятельными режимами, и предметы регулирования этих отраслей пересекаются, хотя большинство их норм установлены в различных источниках и каждая из этих отраслей основывается на системе своих специальных принципов. В целом, отнесение конкретных международно-правовых норм к первой или ко второй отрасли сугубо утилитарно и продиктовано стремлением дать некое родовое понятие ряду правил для облегчения понимания, применения или преподавания, и, соответственно, такое разделение не предполагает логической чистоты, то есть непересечения объемов этих понятий.

Отсюда следует, что при решении вопроса о том, какая именно норма международного права должна применяться в вооруженном конфликте и как она соотносится с другой, нельзя полагаться на разделение норм на отрасли международного права. Таким образом, с одной стороны, в диссертационном исследовании под «международным гуманитарным правом» как отраслью международного права понимались международно-правовые нормы, специально созданные для защиты жертв вооруженных конфликтов и ограничения средств и методов ведения войны, а «международное право прав человека» рассматривалось как отрасль, состоящая из совокупности международно-правовых норм, посвященных регулированию основных прав человека и деятельности международных органов по их защите. С другой стороны, было обосновано, что подход к анализу соотношения непосредственно норм международного права, регулирующих основные права человека в вооруженных конфликтах, должен основываться на сущности и содержании отдельных норм, а не на их принадлежности к международному праву прав человека или международному гуманитарному праву, так как эта

классификация не имеет четких критериев, не является результатом научного консенсуса и не отражает волю самих создателей норм международного права.

Вторая глава диссертации «Границы применения международного права прав человека в вооруженных конфликтах» начинается с **параграфа**, в котором дается правовое обоснование распространения сферы действия международного права прав человека на вооруженные конфликты. Международные договоры по правам человека продолжают действовать в вооруженных конфликтах, за исключением случаев, когда обратное прямо указано в их текстах, как это сделано, к примеру, в Межамериканской конвенции о насильственных исчезновениях 1994 г. Ряд международных договоров предусматривают право государств делать отступления от соблюдения ряда перечисленных в них прав, налагая при этом серьезные ограничения как материального, так и процессуального характера. Ограничения материального характера заключаются в необходимости соблюсти принцип пропорциональности, а также в установлении постоянно расширяемого за счет поступательного развития практики международных судебных и квазисудебных органов списка тех прав и свобод, от которых не допускается отступление. В процессуальном плане право делать отступления формализовано: надлежащее уведомление является обязательным условием для его использования.

Принципиальная возможность применения норм международного права прав человека в вооруженных конфликтах еще не означает, что тот или иной международный договор будет действовать в конкретной ситуации, поэтому во **втором параграфе** рассматривается применение международного права прав человека *ratione loci*. Основные проблемы применения международных договоров в пространстве связаны со случаями, когда действия лиц, поведение которых вменяется этому государству, происходят за пределами его границ, что может иметь место в случае непосредственного участия государства в международном или немеждународном вооруженном конфликте, происходящем за рубежом, в том числе в случае оккупации, а также в связи с

предоставлением этим государством своих военных формирований для участия в миротворческих операциях.

В диссертационном исследовании анализируется возможность экстерриториального применения четырех международных актов: Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и Американских декларации прав и обязанностей человека 1948 г. и конвенции о правах человека 1969 г.

В п. 1 ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах предусмотрено, что «каждое участвующее в настоящем Пакте Государство обязуется уважать и обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в настоящем Пакте», однако еще с принятия соображений по делу *«Лопез Бургос против Уругвая»* Комитет по правам человека расширительно толкует это положение, исходя из того, что данный международный договор распространяет свое действие на случаи, когда индивид находится под юрисдикцией государства вне пределов его территории. При этом установление юрисдикции связывается в первую очередь с возможностью вменить деяние государству — участнику Пакта.

Европейский суд по правам человека, несмотря на серьезное отступление от уже наработанной к тому времени практики рассмотрения экстерриториальных случаев применения Конвенции о защите прав человека и основных свобод в деле *«Банкович и др. против Бельгии и других шестнадцати государств-членов НАТО»*, в итоге, как это следует из решений по делам *«Пад и др. против Турции»* и *«Аль-Скейни и др. против Великобритании»*, также признаёт возможность установления юрисдикции государства-ответчика на основании осуществления им не только эффективного контроля над территорией, но «власти и контроля» над лицами, что может иметь место в результате применения вооруженной силы.

Из решений Межамериканской комиссии по правам человека, а также Межамериканского суда по правам человека следует, что они признают возможность применения Американских декларации и конвенции *ratione loci* к экстерриториальным случаям применения силы в тех случаях, когда государство осуществляет эффективный контроль над территорией, а также в случаях, когда оно осуществляет контроль над лицами.

На основании проведенного анализа текстов международных договоров по правам человека и практики их применения делается вывод о том, что международное право прав человека применимо к вооруженным конфликтам, происходящим за пределами территории того или иного государства — участника международного договора в том случае, если это государство осуществляет эффективный контроль над территорией, где имеет место конфликт, или если жертвы нарушений находились под его «властью и контролем».

В третьем параграфе анализируются проблемы применения международного права прав человека *ratione personae*. Все действующие международные договоры по правам человека основаны на том, что адресатами обязанностей по соблюдению прав человека выступают государства, что предполагает — в предусмотренных этими договорами случаях — возможность жертв нарушения обратиться в специально создаваемые органы с жалобой на лиц, чьи действия можно вменить государству-участнику. Специфика вооруженных конфликтов заставляет проанализировать действие международно-правовых норм в области прав человека — как договорных, так и обычно-правовых — с позиции их применимости к другим акторам: во-первых, к международным организациям, которые активно участвуют в урегулировании конфликтов, а во-вторых, к неправительственным организованным вооруженным группам, которые могут выступать в качестве носителей публичной власти.

Что касается международных организаций, то одной из главных проблем и с точки зрения права, и с точки зрения установления и квалификации фактов

является разграничение ответственности между международной организацией и государствами в том случае, если операция проводилась под эгидой международной организации. В ситуации, когда за предоставляющим контингент государством сохраняется контроль за проведением операции, оправдано использование теста «эффективного контроля», предложенного Комиссией международного права в Проекте статей об ответственности международных организаций. Представляется, что в свете двух основных факторов — во-первых, того, что в большинстве случаев государства не отказываются от контроля за делегированными военнослужащими полностью, а во-вторых, отсутствия эффективных механизмов, которые позволяли бы жертвам нарушений получить возмещение от международных организаций, — подход, позволяющий учитывать фактическую ситуацию и, в случае установления эффективного контроля со стороны государств, привлекать к международной ответственности именно этих субъектов международного права, является обоснованным и позволяет в большей степени обеспечить защиту прав человека.

Второй проблемной категорией лиц являются неправительственные организованные вооруженные группы: если сегодня уже никто не оспаривает обязанность таких групп, в случае их участия в вооруженном конфликте, соблюдать нормы международного гуманитарного права, то возможность распространения международно-правовых обязательств в области прав человека на них как на акторов, чьи действия нельзя вменить государству, является предметом острой научной дискуссии.

Несмотря на взаимосвязанность и взаимозависимость основных прав человека, каталог прав является делимым. Соответственно, если исходить из того, что неправительственные организованные вооруженные группы обладают способностью выступать в качестве носителей международных обязательств в области прав человека в некоторой части, их объективная неспособность выполнять весь каталог прав человека не должна служить основанием для того, чтобы отрицать их связанность теми правами, которые они могут соблюдать.

Развитие международного права за последние два десятилетия привело к закреплению института непосредственной международной ответственности индивидов за совершение международных преступлений. Нормы об ответственности являются вторичными по отношению к материально-правовым нормам, устанавливающим соответствующие правила поведения, однако то, что международные суды могут привлечь индивидов к ответственности на основе международного права, минуя национальную систему юстиции, означает, что обязательства по соблюдению этих норм возложены на индивидов международным правом непосредственно. Это обязательства, установленные как источниками международного гуманитарного права, так и источниками международного права прав человека. Таким образом, к уголовной ответственности за нарушение международного права прав человека могут быть привлечены индивиды вне зависимости от того, какую сторону вооруженного конфликта они представляли. Более того, за последние 15 лет изменилась практика органов ООН, которые стали наряду с международным гуманитарным правом указывать на необходимость соблюдения неправительственными организованными вооруженными группами и международного права прав человека. Положения о правах человека также фигурируют в многочисленных соглашениях между сторонами немеждународных конфликтов. Всё это свидетельствует о том, что происходит расширение сферы применения международного права прав человека *ratione personae* за счет формирования международного обычая, в силу которого обязательства по соблюдению основных прав человека возлагаются и на неправительственную сторону вооруженного конфликта.

В **третьей главе** диссертации раскрываются представленные в научной литературе, а также в практике государств и международных организаций теории, описывающие порядок совместного применения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека: конкурентная, комплементарная и интеграционная.

В первом параграфе представлена конкурентная теория, представители которой, признавая применимость международного права прав человека в вооруженных конфликтах, исходят из невозможности одновременного применения обеих отраслей международного права, указывая в качестве центрального аргумента на характер международного гуманитарного права в целом как *lex specialis*. Однако применение принципа *lex specialis* на уровне целых отраслей международного права некорректно, так как этот принцип может использоваться в двух вариантах: как способ толкования или как способ разрешения коллизий. В первом случае применение *lex specialis* будет приводить к тому, что более специальным нормам будет отдаваться преимущество при толковании; общие нормы при этом также принимаются во внимание, выступая фоном для применения специальной нормы. Соответственно, использование этого принципа при толковании не позволяет вывести неприменимость норм международного права прав человека. Во втором случае условием применения *lex specialis* является наличие нормативной коллизии, т. е. он не может быть применен на уровне отраслей права. Вывод, основанный на применимости в вооруженных конфликтах международного гуманитарного права как *lex specialis*, не может быть верным и учитывая всю условность проведения границ между отраслями международного права.

Комплементарная теория, которой посвящен **второй параграф**, базируется на том, что нормы обеих отраслей частично пересекаются и взаимодополняют друг друга. Международные договоры по правам человека и по международному гуманитарному праву не только не исключают взаимной применимости, но и зачастую содержат ссылки, прямо указывающие на это. Становление комплементарного подхода к соотношению права вооруженных конфликтов и международного права прав человека началось в середине 60-х гг. XX в. и было обусловлено двумя факторами. На универсальном уровне были приняты основные международные договоры по правам человека, в которых было установлено, что от ряда прав и свобод нельзя делать отступления ни при

каких обстоятельствах. Другим фактором, повлиявшим на изменение подхода к соотношению международного права прав человека и международного гуманитарного права, стало увеличение числа вооруженных конфликтов немеждународного характера. Это поставило на повестку дня необходимость международного закрепления правил, направленных на защиту жертв немеждународных конфликтов. Лаконичных положений ст. 3, общей для четырех Женевских конвенций, было явно недостаточно. По большому счету, эта задача не была решена и после принятия Второго Дополнительного протокола 1977 г. Между тем для регулирования немеждународных конфликтов, зачастую возникавших между правительственными вооруженными силами и неправительственными организованными вооруженными группами, вполне могли применяться нормы международного права прав человека.

Идею о комплементарности норм международного гуманитарного права и международного права прав человека разделяют основные органы ООН, Совет по правам человека (ранее — Комиссия по правам человека), Комитет по правам человека, а также региональные международные органы, занимающиеся защитой прав человека.

В третьем параграфе раскрываются содержание и особенности интеграционной теории, которая заключается в признании единой природы норм обеих отраслей, которые соединяются и формируют единое целое. Сущность интеграционной теории при этом не сводится к объединению международного гуманитарного права и международного права прав человека под одним наименованием, а, напротив, основывается на применении индуктивного метода, когда исследуются и сопоставляются отдельные нормы и на основе этого анализа «снизу вверх» делается вывод об имеющей место интеграции. В частности, анализируется возможность объединения этих норм по содержанию, структуре, а также по порядку формирования.

По содержанию нормы международного гуманитарного права и международного права прав человека, к которым может быть применена

категория субъективных публичных прав, разделены вслед за Международным судом ООН на три группы: первая группа состоит из норм обеих отраслей, вторая — только из норм международного права прав человека, а третья — из норм международного гуманитарного права.

Особый интерес — как в теоретическом, так и практическом плане — представляет сфера совпадения предметов регулирования этих отраслей, и для того, чтобы выяснить, как нормы международного гуманитарного права и международного права прав человека сопрягаются друг с другом, анализируется структура субъективных публичных прав и корреспондирующих им обязанностей. Обосновывается вывод о том, что соотношение этих норм может быть представлено в виде базовой конструкции, когда нормы международного гуманитарного права выступают в качестве минимальной планки для ограничения прав человека в вооруженных конфликтах. Это означает, что нормы международного гуманитарного права вписываются в общую структуру прав человека, зафиксированных в источниках международного права прав человека, в качестве «пределов ограничений» прав человека. Применение такой конструкции выводится из соотношения отступления от обязательств по соблюдению прав человека и ограничению прав человека в вооруженных конфликтах.

В свете этого вывода далее разрешается вопрос о том, где именно должна располагаться минимальная планка, ограничивающая государства в том, как далеко они могут зайти в борьбе с другой стороной вооруженного конфликта, ограничивая права человека или отступая от соблюдения своих обязательств. Ядро прав человека, которые нельзя ограничить даже в ситуации вооруженного конфликта, формируется из трех основных источников. Первый блок источников составляют прежде всего положения универсальных и региональных международных договоров по правам человека, взятые в контексте последующей практики их применения, а также международно-правовые обычаи, закрепляющие права человека, которые не могут быть ограничены в ситуации вооруженного конфликта. Второй блок источников

составляют договорные и обычные нормы международного гуманитарного права. Эти правила специально создавались с целью зафиксировать минимальные стандарты гуманности в случае вооруженного конфликта и являются результатом учета этой особой ситуации, т. е. они представляют собой тот минимум, который остается даже после учета потребностей военной необходимости. Наконец, третий блок представляет собой нормы международного уголовного права, запрещающие совершение преступлений по общему международному праву. В итоге в диссертации приводится действующий на универсальном уровне список прав, которые нельзя ограничить, и запретов, от которых нельзя отступить.

Наконец, помимо возможности встраивания принятых в разное время и зафиксированных в различных источниках норм международного гуманитарного права и международного права прав человека в единую структуру субъективных публичных прав, интеграция норм международного гуманитарного права и международного права прав человека происходит и в процессе формирования международно-правовых обычаев.

Второй раздел диссертации «Разрешение потенциальных коллизий между нормами международного гуманитарного права и международного права прав человека» состоит из трех глав.

Четвертая глава озаглавлена «Коллизии международно-правовых норм и порядок их разрешения».

В **первом параграфе** раскрываются сложившиеся в науке международного права узкий и широкий подходы к понятию «коллизия норм». В отличие от узкого подхода, состоящего в признании только двусторонних коллизий, в рамках широкого подхода в качестве коллизии рассматриваются противоречия между обязывающей и управомочивающей нормами (односторонние коллизии). Существующие противоречия между действующими нормами международного гуманитарного права и международного права прав человека относятся к нормативным коллизиям в широком смысле, представляя собой частичные односторонние коллизии.

Вместе с тем, в силу неопределенности понятия «коллизия норм» в международном праве, в диссертации отстаивается позиция о том, что нельзя уходить от проблемы существования двух не полностью совместимых норм только за счет отрицания наличия между ними двусторонней или полной коллизии.

Во **втором параграфе** суммированы основные правила разрешения коллизий между нормами международного права, которые могут быть применены и к разрешению коллизий между нормами международного гуманитарного права и международного права прав человека: это *lex superior derogat legi inferiori*, *lex posterior derogat legi priori*, а также *lex specialis derogat legi generali*. В качестве наиболее приемлемого способа разрешения коллизий между нормами этих отраслей оправдано рассматривать принцип *lex specialis derogat legi generali*. Однако точное содержание этого принципа до сих пор остается дискуссионным, так как предлагаемые в науке международного права критерии для определения того, какая норма является специальной, а какая — общей, разнятся. С учетом этих обстоятельств в диссертации далее детально анализируются две основные коллизии между нормами международного гуманитарного права и международного права прав человека: это противоречие между запретом произвольного (умышленного) лишения жизни и правом комбатантов принимать участие в военных действиях, а также между запретом произвольного лишения свободы и правом интернировать военнопленных и гражданских лиц по международному гуманитарному праву.

Пятая глава «Право на жизнь в вооруженных конфликтах» разделена на два параграфа.

В **первом параграфе** анализируется правомерность лишения жизни в ходе вооруженного конфликта. С целью установить, действительно ли существует коллизия между нормами международного гуманитарного права и международного права прав человека при решении вопроса о правомерности лишения жизни в вооруженных конфликтах и, если да, то как она должна разрешаться, в диссертации вначале анализируется содержание норм

международного гуманитарного права, регулирующих применение летальной силы в вооруженных конфликтах, и затем анализируется, что привнесли в международно-правовое регулирование этого вопроса принятие международных договоров в области прав человека, а также последующая практика международных судебных и квазисудебных органов по их применению.

Положения международного гуманитарного права, регулирующие правомерность применения летальной силы в вооруженных конфликтах, разделены на три основные группы. Первую составляют несколько специальных принципов международного гуманитарного права, к которым относятся принципы гуманности, различия, пропорциональности и предосторожности, ограничения воюющих в выборе средств и методов ведения войны, а также неоправданно преданный забвению принцип военной необходимости.

Ко второй группе относятся правила, посвященные классификации лиц в вооруженных конфликтах. В отличие от источников международного гуманитарного права, применимых в международных конфликтах, отсутствуют как договорные, так и обычно-правовые нормы о классификации лиц в немеждународных вооруженных конфликтах. В исследовании обосновывается вывод о том, что разумный компромисс между защитой гражданского населения и военной необходимостью могло бы обеспечить применение «сбалансированного подхода», в рамках которого в качестве «гражданских лиц» в немеждународных конфликтах рассматриваются все лица, которые не принадлежат к вооруженным силам правительственной стороны конфликта или к неправительственным организованным вооруженным группам, находящимся под командованием лица, ответственного за своих подчиненных перед стороной конфликта, и подчиняющимся внутренней дисциплине. При этом члены «организованных вооруженных групп», удовлетворяющие критериям, предъявляемым к подобным группам в международных конфликтах, должны рассматриваться как утратившие защиту от нападения на время членства в

такой группе. Соответственно, с позиции «непосредственного участия в военных действиях» должны оцениваться только отдельные действия не подпадающих под эту категорию лиц, т. е. к ним не должна применяться концепция «длящегося участия».

К третьей группе норм гуманитарного права, имеющих значение при определении правомерности лишения жизни, относятся нормы, связанные с квалификацией поведения гражданских лиц как подпадающего или не подпадающего под понятие «непосредственное участие в военных действиях». Несмотря на опубликование Международным Комитетом Красного Креста руководства по толкованию этого понятия, его содержание требует дальнейшего прояснения. В частности, для того, чтобы действие было квалифицировано как «непосредственное участие в военных действиях», к ущербу, причиняемому как военным, так и гражданским объектам, необходимо предъявлять требование о достижении хотя бы минимального размера. Под понятие «военные действия» должны подпадать нападения не только на военные цели, но и на лиц, находящихся «во власти» стороны конфликта. Кроме того, для целей квалификации гражданского лица в качестве принимающего непосредственное участие в военных действиях не оправдано предъявление требования об обязательном наличии связи между ним и стороной вооруженного конфликта.

В качестве следующего этапа исследуется, как применение международных договоров по правам человека и их толкование международными судебными и квазисудебными органами отразилось на общем подходе к проверке правомерности применения силы в вооруженных конфликтах. В результате такого анализа делается вывод о том, что изменилось толкование международных договоров по правам человека, закрепляющих право на жизнь: применение критериев абсолютной необходимости и пропорциональности не сводится исключительно к тем нормам, которые закреплены в источниках международного гуманитарного права, тем самым ужесточая требования к правомерности применения силы. В итоге к вопросу о

правомерности лишения жизни в вооруженном конфликте применяется общий тест, сотканный из положений как международного права прав человека, так и международного гуманитарного права. Этот «интегрированный» тест учитывает запрещающие нормы международного гуманитарного права, а также предусматривает применение критериев абсолютной необходимости и пропорциональности.

Добавление к международному гуманитарному праву международных норм в области прав человека как регулятора тех же общественных отношений позволяет существенно ограничить свободу действий по выведению врага из строя за счет применения теста на абсолютную необходимость и пропорциональность применения силы. Это повышает планку требований по сравнению со взятыми отдельно нормами международного гуманитарного права: помимо того, что предпринимаемое в рамках вооруженного конфликта действие должно быть пропорционально цели победить противника, оно должно быть еще и абсолютно необходимым, что предполагает оценку соответствия применяемых средств и методов конкретной угрозе и, соответственно, побуждает выбирать ту линию поведения, при которой будет причинен наименьший ущерб. При этом международное право прав человека не требует невозможного: возможность признать действия по причинению вреда противнику легитимными сохраняется, хотя и в несколько урезанном виде.

Во **втором параграфе** раскрываются содержание и сфера применения обязанности расследовать случаи гибели людей в связи с применением силы в вооруженных конфликтах. В то время как ни универсальные, ни региональные международные договоры в области прав человека обязанность проводить расследование гибели людей прямо не закрепляют, международные судебные и квазисудебные органы вывели существование этой процессуальной обязанности, толкуя право на жизнь в совокупности с обязательством соблюдать и обеспечивать соблюдение соответствующих договоров. Обязанность проводить расследование продолжает действовать и в ситуации

вооруженного конфликта. Если Комитет по правам человека ООН придерживается позиции, что обязанность расследования распространяется на случаи предполагаемых нарушений прав человека, то Европейский суд по правам человека и Межамериканский суд по правам человека идут дальше, требуя эффективного расследования всех случаев применения летальной силы, не проводя различия между «полицейскими» и «военными операциями».

Постулат о том, что позитивные обязательства, вытекающие из права на жизнь, включают обязанность государств проводить расследование всех случаев насильственной смерти, был распространен международными судебными и квазисудебными органами защиты прав человека и на ситуацию вооруженных конфликтов. Как следствие, обязанность государства по расследованию охватывает не только ситуации, когда нельзя точно установить, от чьих рук пострадал человек, но и ситуации, когда применение силы явно вменяется оппозиционным группам. Более того, эта обязанность распространяется и на те ситуации, когда в качестве пострадавшего выступает сражавшееся лицо. В итоге существование процессуальной обязанности провести расследование обстоятельств гибели не зависит от того, был или не был нарушен материально-правовой запрет на применение силы.

Сфера применения обязанности по расследованию случаев гибели людей в том виде, в каком она была выведена в практике международных органов по защите прав человека, распространяется гораздо дальше положений международного гуманитарного права. За исключением случаев гибели военнопленных и интернированных, международное гуманитарное право не возлагает обязанности расследовать каждый случай применения силы, приведший к летальному исходу, ограничиваясь теми, которые могут быть квалифицированы в качестве военных преступлений. Хотя в этой области пересечения обеих отраслей международное гуманитарное право также требует проведения расследования вне зависимости от того, какой именно стороне конфликта вменяется применение силы, это является составляющей действия принципа «или суди, или выдай». Несовпадение параметров сферы применения

обязанности расследовать случаи гибели людей в ходе вооруженных конфликтов в соответствии с международным гуманитарным правом и международным правом прав человека нельзя признать противоречием: появившись позднее, права человека дополнили обязательства, наложенные международным гуманитарным правом, введя более строгие требования к соблюдению права на жизнь в ситуации вооруженного конфликта. Вопрос о том, было ли молчание разработчиков Женевских конвенций и Дополнительных протоколов по поводу проведения расследования во всех случаях «квалифицированным», вряд ли является уместным, так как международное гуманитарное право явно зафиксировало минимальный набор обязательств. Расширение его за счет норм международного права прав человека, соответственно, не может рассматриваться как нарушение международного гуманитарного права, наоборот — выполнение требований по проведению расследования всех случаев гибели людей служит цели более тщательного и добросовестного исполнения обязательств по международному гуманитарному праву.

Шестая глава «Право на свободу личности в вооруженных конфликтах» состоит из четырех параграфов.

В **первом параграфе** дается классификация и раскрываются особенности специфических для вооруженных конфликтов видов лишения свободы, которые урегулированы или упомянуты в источниках международного гуманитарного права.

Во **втором параграфе** исследуется проблема соответствия интернирования в вооруженных конфликтах принципу законности лишения свободы. Для проверки законности лишения свободы в вооруженных конфликтах в диссертации предлагается использовать выводимый из применимости норм международного права прав человека подход, в соответствии с которым лишение свободы должно основываться на достаточной и адекватной правовой базе, отвечающей требованиям правовой определенности. Регулирующие интернирование в международных

вооруженных конфликтах нормы Третьей и Четвертой Женевских конвенций отвечают этим требованиям, в отличие от источников международного гуманитарного права, действующих в немеждународных конфликтах. Ни общая ст. 3 Женевских конвенций 1949 г., ни Второй Дополнительный протокол не уполномочивают стороны конфликта на интернирование, не содержат оснований для такого задержания и не закрепляют соответствующую процедуру. Упоминание «интернирования» во Втором протоколе скорее необходимо трактовать как стремление, принимая во внимание *de facto* используемое в немеждународных конфликтах лишение свободы вне рамок уголовного разбирательства, установить гарантии гуманного обращения с данной категорией лиц. Таким образом, ссылка исключительно на международное гуманитарное право, в частности на Второй Дополнительный протокол, в качестве правового основания для применения такого вида лишения свободы, как интернирование, применяться не может. Вместе с тем данный вывод не исключает возможности установления оснований для интернирования и процедуры его применения в немеждународных вооруженных конфликтах в национальном праве государств или в иных источниках международного права.

В **третьем параграфе** анализируется другой проблемный вопрос, возникающий в процессе совместного применения международного гуманитарного права и международного права прав человека к ситуациям лишения свободы, а именно — соответствие причин, которые служат основанием для принятия решения о лишении свободы в вооруженных конфликтах, требованиям, вытекающим из действия международного права прав человека. В целом специфика оснований для интернирования в вооруженных конфликтах, установленная нормами международного гуманитарного права, при этом соответствует запрету зафиксированного во многих международных договорах «произвольного» лишения свободы. Исключение составляет европейская система защиты прав человека: не отступая от положений ст. 5 и в отсутствие резолюции Совета Безопасности

ООН, применив интернирование, государства–участники Конвенции о защите прав человека и основных свобод тем самым нарушат этот международный договор. В деле «Хассан против Великобритании» ЕСПЧ признал, что в международных вооруженных конфликтах даже в отсутствие отступления ст. 5 Конвенции должна толковаться как допускающая правомерное интернирование на основании норм международного гуманитарного права. Этот вывод, однако, не должен распространяться на немеждународные вооруженные конфликты, где, учитывая пробельность норм международного гуманитарного права, вполне оправдано действие норм международного права прав человека в полном объеме.

В четвертом параграфе выводятся перечень и содержание процессуальных прав и гарантий, которые должны предоставляться интернированным лицам в свете совместного применения норм обеих отраслей международного права. В отношении вооруженных конфликтов немеждународного характера указывается на центральную роль норм международного права прав человека. Вместе с тем принятие новых международных договоров (прежде всего в области борьбы с насильственными исчезновениями), объективное усиление роли и значения решений международных судебных и квазисудебных органов по правам человека привели к тому, что неизменное ядро прав человека, которые не могут быть ограничены, существенно увеличилось, что свидетельствует об усилении защиты прав человека в вооруженных конфликтах не только немеждународного, но и международного характера.

К процессуальным правам, действующим в отношении интернированных лиц, отнесены гарантия *habeas corpus*, право на проверку законности задержания независимым и беспристрастным органом, право быть проинформированным о причинах интернирования, право на получение юридической помощи, а также право быть зарегистрированным и содержаться в официально признанных местах содержания.

III. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что ряд норм международного гуманитарного права и международного права прав человека не просто комплементарны, а объединяются и формируют единый массив правил, регулирующих основные права человека в вооруженных конфликтах. Возможность интеграции норм международного гуманитарного права и международного права прав человека в области защиты прав человека следует из применимости к ним конструкции субъективных публичных прав и корреспондирующих им обязанностей. Интеграция норм обеих отраслей международного права проявляется по двум направлениям. Во-первых, нормы международного гуманитарного права участвуют в формировании предела для ограничения государствами прав человека в вооруженных конфликтах. Во-вторых, практика применения договорных норм международного права Европейским судом по правам человека и Комитетом по правам человека ООН позволяет сделать вывод о формировании комплексных тестов проверки правомерности лишения жизни и лишения свободы в вооруженных конфликтах, прежде всего немеждународного характера. Интеграции норм международного гуманитарного права и международного права прав человека способствует расширение сферы применения международного права прав человека в пространстве и по кругу лиц, происходящее благодаря эволюции толкования действующих международных договоров по правам человека и развитию международного обычного права.

По сути, в вопросе применения силы в боевых ситуациях использование предусмотренных международным правом прав человека критериев абсолютной необходимости и пропорциональности будет приводить к тем же результатам, к которым привело бы и применение исключительно норм международного гуманитарного права. Значение нового подхода состоит в том, что благодаря ему вносится ясность в оценку правомерности применения силы во всех иных ситуациях. Во-первых, снимаются сложности, связанные с квалификацией ситуации, а это и полифоничность оценок, и трудности

установления фактов, и юридические споры о минимальной границе «вооруженных конфликтов», и проблемы классификации конфликтов на международные и немеждународные. Во-вторых, существенно снижается возможность государства манипулировать как фактами, так и правом, признавая или нет наличие вооруженного конфликта, объявляя ту или иную операцию «военной», «боевой», «антитеррористической» или «полицейской». В-третьих, в условиях отсутствия международных механизмов по контролю за соблюдением международного гуманитарного права, а также более чем сдержанной позиции государств в отношении совершенствования действующих международных норм особое значение приобретает возможность жертв обращаться в международные судебные и квазисудебные органы за защитой своих прав и взыскивать компенсацию. При этом практика международных судебных и квазисудебных органов, несомненно, будет обогащать развитие правил, применимых в вооруженных конфликтах.

В целом, в результате интеграции норм международного гуманитарного права и международного права прав человека происходит усиление защиты прав человека в вооруженных конфликтах, что, как представляется, знаменует принципиально новый виток развития международного права в гуманитарной сфере.

Представляется, что с течением времени появятся новые области интеграции норм этих отраслей, что позволит в результате будущих научных изысканий как расширить и уточнить уже наработанные теоретические представления в этой сфере, так и использовать их на практике.

IV. ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основные результаты диссертационного исследования опубликованы в 44 работах. Личный вклад автора составляет 65,7 п. л.

а) Монографии

1. *Русинова В.Н.* Права человека в вооруженных конфликтах: проблемы соотношения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека. — М.: Статут, 2015. — 384 с. (24 п. л.)

2. *Русинова В.Н.* Нарушения международного гуманитарного права: индивидуальная уголовная ответственность и судебное преследование. — М.: Юрлитинформ, 2006. — 190 с. (13 п.л.)

б) Статьи в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук

1. *Русинова В.Н.* Теории соотношения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2014. — № 1. — С. 43–56. (1,2 п. л.)

2. *Русинова В.Н.* Интернирование гражданских лиц в вооруженных конфликтах немеждународного характера // Lex Russica. — 2014. — № 9. — С. 1043–1050. (0,8 п. л.)

3. *Русинова В.Н.* Обязанность государств расследовать случаи гибели людей во время вооруженных конфликтов // Международное уголовное право и международная юстиция. — 2014. — № 4. — С. 23–26. (0,5 п. л.)

4. *Русинова В.Н.* Вклад Европейского суда по правам человека в развитие обязанностей государств по защите права на жизнь в вооруженных конфликтах // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2013. — № 3. — С. 50–63. (1,2 п. л.)

5. *Русинова В.Н.* Действие международного права прав человека в отношении неправительственной стороны вооруженного конфликта // *Международное публичное и частное право.* — 2013. — № 6. — С. 8–12. (0,5 п. л.)
6. *Русинова В.Н.* Принцип необходимости в международном гуманитарном праве: оправдано ли забвение? // *Электронное научное издание «Военное право».* — 2013. — № 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.voennoepravo.ru/node/5195> — С. 1–12. (1 п. л.)
7. *Русинова В.Н.* Международно-правовое регулирование права на жизнь в вооруженных конфликтах // *Московский журнал международного права.* — 2013. — № 1. — С. 4–21. (1 п. л.)
8. *Русинова В.Н.* Классификация лиц в немеждународных вооруженных конфликтах: в поисках сбалансированного подхода // *Государство и право.* — 2012. — № 3. — С. 61–69. (1 п. л.)
9. *Русинова В.Н.* Руководство Международного комитета Красного креста по толкованию понятия «непосредственное участие в военных действиях»: *pro et contra* // *Московский журнал международного права.* — 2011. — № 4. — С. 19–36. (1 п. л.)
10. *Русинова В.Н.* Международно-правовое регулирование статуса добровольных живых щитов // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Экономические и юридические науки.* — 2011. — № 9. — С. 32–42. (0,7 п. л.)
11. *Русинова В.Н.* Правовые аспекты применения Конвенции о защите прав человека и основных свобод: до и после «Банковича» // *Московский журнал международного права.* — 2010. — № 1. — С. 31–46. (1 п. л.)
12. *Русинова В.Н.* Handbook of International Humanitarian Law (Руководство по международному гуманитарному праву / Под ред. Дитера Флека. 2-е изд. Оксфорд, 2008. 770 с.) Рецензия // *Московский журнал международного права.* — 2009. — № 4 (76). — С. 238–245. (0,4 п. л.)

13. *Русинова В.Н.* Актуальные проблемы обеспечения свободы и неприкосновенности личности в Российской Федерации в свете решений Европейского суда по правам человека // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Серия: Экономические и юридические науки. — 2009. — № 9. — С. 45–54. (0,5 п. л.)

14. *Русинова В.Н.* Проблемы регулирования статуса «незаконных комбатантов» в международном гуманитарном праве // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Серия: Экономические и юридические науки. — 2008. — № 9. — С. 15–27. (0,5 п. л.)

15. *Русинова В.Н.* Международные иммунитеты высокопоставленных должностных лиц и уголовное преследование международных преступлений // Международное публичное и частное право. — 2006. — № 3 (30). — С. 38–44. (0,5 п. л.)

16. *Русинова В.Н.* Преследование нарушений международного гуманитарного права на основании принципа универсальности // Международное публичное и частное право. — 2005. — № 6 (27). — С. 21–26. (0,5 п. л.)

в) Учебники, учебные пособия и коллективные монографии

1. *Русинова В.Н.* Право вооруженных конфликтов и международное право прав человека (пар. 25.13) // Международное право: учебник / Отв. ред. С.А. Егоров. — М.: Статут, 2014. — С. 1041–1047. (0,4 п. л.)

2. *Rusinova V.* Lawfulness of “Targeted Killings” under International Humanitarian and Human Rights Law, in: International Justice and Countering International Terrorism / Ed. By Salygin E., Ivanov E. — Moscow: National Research University “Higher School of Economics”, 2013. — P. 96–114. (1 п. л.)

3. *Rusinova V.* The Duty to Investigate the Death of Persons Arrested and/or Detained by Public Authorities // The Right to Life / Eds. Ch. Tomuschat, E. Lagrange, S. Oeter. — Leiden/Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2010. — P. 65–82. (0,8 п. л.)

4. Свобода и неприкосновенность личности: актуальные правовые позиции Европейского Суда по применению статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод / под ред. А.В. Косса и В.Н. Русиновой. — Калининград, 2009. — 137 с. (2 п. л.)

5. *Русинова В.Н.* Обзор постановлений Европейского суда по правам человека в отношении России // Российская Федерация в Европе: правовые аспекты сотрудничества России с европейскими организациями / под ред. Д. Раушнинга, В.Н. Русиновой. — М.: Международные отношения, 2008. — С. 16–34. (0,9 п. л.)

г) Статьи, опубликованные в иных научных периодических изданиях и сборниках статей:

1. *Русинова В.Н.* Хассан против Великобритании: от Конвенции к международному гуманитарному праву и немного обратно. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 16 сентября 2014 г. // Международное правосудие. — 2015. — № 3. — С. 27–33. (0,7 п. л.)

2. *Русинова В.Н.* Гуманитарные обязательства и ответственность международных организаций при проведении миротворческих операций // Фрагментация международного права. *Liber amicorum* в честь профессора Е.Г. Моисеева / отв. ред. Н.А. Соколова. — М.: МГЮА, 2014. — С. 360–378. (0,8 п.л.)

3. *Русинова В.Н.* Борьба с насильственными исчезновениями в свете норм международного права // Международное экономическое право в эпоху глобализации. *Lieber Amicorum* в честь 60-летия профессора В.М. Шумилова: сб. статей / отв. ред. Д.С. Боклан, И.М. Лифшиц. — Вып. 54. — М.: ВАВТ, 2014. — С. 154–163. (0,8 п. л.)

4. *Русинова В.Н.* Защита права на жизнь в вооруженных конфликтах: международное гуманитарное право и права человека в решениях международных судебных и квазисудебных органов // Поиск баланса частных и публичных интересов в решениях международных и национальных судов:

Материалы международной научно-практической конференции, Москва-Суздаль, 4–6 июня 2012 г. — М.: РАП, 2013. — С. 135–144. (0,5 п. л.)

5. *Русинова В.Н.* Применение Европейским судом по правам человека норм международного гуманитарного права // Материалы IV Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения». Секция международного публичного права: сборник тезисов / отв. ред. Е.Г. Моисеев. — М.: МГЮА имени О. Е. Кутафина, 2012. — С. 103–108. (0,4 п. л.)

6. *Русинова В.Н.* Конвенция о защите прав человека и основных свобод и международное гуманитарное право в решениях Европейского суда по правам человека // Правовая наука и инновационное развитие общества: юбилейный сборник научных трудов / под общ. ред. О.А. Заячковского. — Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. — С. 36–42. (0,3 п. л.)

7. *Русинова В.Н.* Распространение обязательств по соблюдению международного права в области прав человека на неправительственную сторону вооруженного конфликта // Сборник тезисов докладов III Международной научно-практической конференции «Юридическая наука как основа правового обеспечения инновационного развития России» (Кутафинские чтения) МГЮА имени О.Е. Кутафина: Секция международного публичного права. 2011 / Отв. ред. Е.Г. Моисеев. — М.: МГЮА имени О.Е. Кутафина, 2012. — С. 167–169. (0,1 п. л.)

8. *Русинова В.Н.* Живые щиты как категория лиц «*sui generis*» // Российский ежегодник международного права. — 2011. — Специальный выпуск. — СПб.: Россия-Нева, 2012. — С. 299–310. (0,8 п. л.)

9. *Русинова В.Н.* Трибунал для сомалийских пиратов? Проблемы и перспективы уголовного преследования пиратства и вооруженного разбоя на море // Международное правосудие. — 2011. — № 1. — С. 112–122. (0,9 п. л.)

10. *Русинова В.Н.* Предэкстрадиционное содержание под стражей: проблемы правового регулирования и правоприменительной практики в свете норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Материалы научно-практической конференции «60 лет кафедре международного права

МГЮА им. О. Е. Кутафина» / рук. ред. коллегии К.А. Бекяшев. — М.: Проспект, 2010. — С. 142–147. (0,3 п. л.)

11. *Русинова В.Н.* «Война с терроризмом» и проблемы квалификации конфликтов в свете норм международного гуманитарного права // Актуальные проблемы современного международного права: материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции. Москва, 10–11 апреля 2009 г. / под ред. А.Я. Капустина, Ф.Р. Ананидзе. — М.: РУДН. — С. 390–412. (1 п. л.)

12. *Русинова В.Н.* Кто является «гражданским лицом» в немеждународном вооруженном конфликте? // Актуальные проблемы современного международного права: материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции. Москва, 9–10 апреля 2010 г. / под ред. А.Х. Абашидзе, М.Н. Копылова, Е.В. Киселёвой. Часть II. — М.: РУДН, 2011. — С. 490–501. (0,5 п. л.)

13. *Русинова В.Н.* Проблемы международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных предприятий // Российское право в Интернете. — № 5. — 2009 [Электронный ресурс]. URL: http://www.rpi.msal.ru/prints/200905_3.html (0,3 п. л.)

14. *Русинова В.Н.* Проблемы применения международного гуманитарного права и международно-правовых норм о защите прав человека в ходе борьбы с терроризмом // Международное сообщество и глобализация угроз безопасности. Ч. 2 / отв. ред. В. В. Грохотова, Б. Н. Ковалёв, Е. А. Макарова. — Великий Новгород, 2008. — С. 36–55. (1 п. л.)

15. *Русинова В.Н.* От Комиссии к Совету ООН по правам человека: новый орган — прежние проблемы? // Проблемы правоповедения. — Калининград, 2008. — С. 28–34. (0,5 п. л.)

16. *Rusinova V.* Survey of Judgments of the European Court of Human Rights in Respect of Russia // The Uppsala Yearbook of East European Law. — 2006. — London, 2008. — P. 34–52. (0,8 п. л.)

17. *Русинова В.Н.* Криминализация нарушений международного гуманитарного права в российском законодательстве // Проблемы правоповедения / отв. ред. О.А. Заячковский. — Калининград: Изд-во КГУ, 2005. — С. 22–27. (0,3 п. л.)

18. *Русинова В.Н.* Эволюция института иммунитетов высокопоставленных должностных лиц государства в современном международном праве // Проблемы правоповедения / отв. ред. О.А. Заячковский. — Калининград: Изд-во КГУ, 2005. — С. 3-9. (0,3 п. л.)

19. *Семенькова (Русинова) В.Н.* Применение международного гуманитарного права в вооруженных конфликтах немеждународного характера // Проблемы правоповедения / отв. ред. О.А. Заячковский. — Калининград: Изд-во КГУ, 2004. — С. 20–25. (0,3 п. л.)

д) Научные статьи в Энциклопедии Макса Планка по международному публичному праву

1. *Rusinova V.* Human Shields, in: The Max Planck Encyclopedia of Public International Law / Ed. by R. Wolfrum — Vol. V. — Oxford: Oxford University Press, 2012. — P. 19-25. (0,4 п. л.)

2. *Rusinova V.* Perfidy, in: The Max Planck Encyclopedia of Public International Law / Ed. by R. Wolfrum. — Vol. VIII. — Oxford: Oxford University Press, 2012. — P. 245-251. (0,4 п. л.)

Русинова Вера Николаевна

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ:
СООТНОШЕНИЕ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА
И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

доктора юридических наук